

Юрий К. Бегунов
(Ленинград)

Похвальное слово Мефодию как произведение художественной ораторской прозы

Среди древнеславянских литературных произведений, посвященных Кириллу и Мефодию, выделяется одно, ораторское по своему характеру — „Слово похвально на память сватыма и прѣславныма оучителема словѣньскоу языкоу, сътворышемоу писмены гемоу, прѣложышема Новыи и Ветъхыи законъ въ языкъ ихъ, блаженому Кѳрилоу и архиепископоу Мефодію“; в этом слове больше говорится о Мефодии, чем о его младшем брате Константине-Кирилле, поэтому мы назовем его условно „Похвальным словом Мефодию“, в сокращении — ПСМ.

ПСМ было открыто и обнаружено в 1848 г. русским ученым В. М. Ундольским¹, затем издано критически с учетом 15-ти списков сначала О. М. Бодянским², потом с учетом 17-ти списков — П. А. Лавровым³; отдельные списки ПСМ публиковались не менее 16 раз⁴. Исследователю рукописной традиции памятника, болгарскому ученому Б. Ст. Ангелову, было известно 27 списков XII-XVII вв., распределяющихся на две редакции — первичную, русскую (24 списка) и вторичную, южнославянскую (3 списка)⁵; ему же принадлежит и тщательно выполненное критическое издание ПСМ с учетом всей рукописной традиции⁶. Драгоценный исторический и литературный источник старшей кирилло-мефодиевской традиции, ПСМ переводилось современными учеными на чешский (Й. Первольф, Я. Вашица), словацкий (Я. Станислав, П. Раткош), латинский (Ф. Гривец) и болгарский (А. Бончев) языки⁷.

В науке было непреложно установлено, что основными источниками ПСМ являются т. н. паннонские жития Кирилла и Мефодия (ЖК и ЖМ), великоморавские памятники, созданные учениками славянских первоучителей. Относительно происхождения ПСМ в научной литературе не сложилось единой точки зрения. Одни исследователи считают, что оно написано вскоре после смерти Мефодия в Моравии, в 885-886 г.⁸, другие полагают, что время создания произведения — конец IX в., а его автор — Климент Охридский⁹, третьи допускают, что ПСМ написано в конце IX или в начале X в. и принадлежит перу младшего ученика Мефодия Константину Преславскому¹⁰.

Русский ученый А. Е. Викторов первый показал, что Климент не мог быть автором ПСМ¹¹. Его поддержали А. Д. Воронов¹², И. Огиенко¹³, Е. Георгиев¹⁴. Суммируем и дополним их рассуждения и аргументы:

1. в заглавии ПСМ в рукописях нет имени Климента;

2. между ЖК и ЖМ, с одной стороны, и ПСМ, с другой, имеются противоречия, так например, в ПСМ неверно назван год смерти Мефодия (886 вм. 885 г.), что навряд ли мог допустить в Моравии его ближайший ученик; факты, заимствованные из житий, переданы в ПСМ либо прямо, либо в виде перифраза, а чаще составляют риторическую амплификацию;

3. автор ПСМ пользовался службами первоучителям;

4. автор ПСМ излагает в своем произведении только то, что он узнал из ЖК и ЖМ; однако неправильно приписывает Мефодию участие в сарацинской миссии 851 г., а также называет десятилетнее пребывание Мефодия на военной службе „малым” (ср. в ЖК — „лета многа”);

5. ПСМ по стилю и композиции весьма отличается от „Похвального слова Кириллу”, написанного Климентом Охридским: первое в значительной степени представляет собою риторический рассказ о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, в то время как второе носит гимнографический характер;

6. весьма важными нам представляются соображения советского исследователя Б. Н. Флори: „В ПСМ мораване выступают как языческий народ, который солунские братья обращают в христианство: автор настойчиво и неоднократно повторяет этот тезис, уподобляя братьев апостолам, которые тоже распространяли христианство среди язычников. Подобный тезис в памятниках, достоверно возникших в Моравии, отсутствует и, думается, мог быть выдвинут лишь в той среде, где не очень хорошо представляли историю христианизации мораван. Вместе с тем отсутствие в ПСМ каких-либо сведений о деятельности Кирилла и Мефодия в Болгарии говорит за то, что это произведение было написано тогда, когда культ Кирилла и Мефодия в Болгарии только начал распространяться”¹⁵.

Нам представляется, что ПСМ написано где-то на Балканском полуострове, может быть, в Болгарии, куда в конце 80-х годов IX в. после катастрофы в Моравии и Паннонии перебрались уцелевшие Мефодиевы ученики. Государственные власти окружили их там вниманием и заботой, создали все условия для их плодотворной просветительской деятельности, чтобы дело Кирилла и Мефодия не погасло, а разрасталось бы и крепло в славянских странах. В тексте ПСМ говорится следующее: „Тѣмъже нына оубо хвалы възда-мъ вама, троужшима са толико Христа ради въ вѣсточьныхъ и западьныхъ, и сѣверьскихъ странахъ” (473)¹⁶. Таким образом, по мнению автора ПСМ, Малая Азия и Ближний Восток находятся от него на востоке, Моравия и Паннония — на западе, а Хазария — на севере. Это могла бы быть Болгария. В таком случае, вероятным автором ПСМ мог бы считаться Константин Преславский, написавший восторженные стихотворения „Азбучную молитву” и „Проглас к евангелию”, а также „Службу Мефодию”¹⁷, имеющую идейное и стилистическое сходство с ПСМ; епископ Константин известен и как переводчик, и как проповедник, автор „Учительного евангелия”¹⁸. Приведем еще один аргумент в пользу этой гипотезы. Появление

даты \bar{S} . \bar{T} . \bar{Y} . \bar{D} . (886) в тексте ПСМ можно было бы объяснить либо как результат неправильной переделки глаголической буквы Ψ , соответствующей цифре 3, в \bar{D} , т.е. кириллическое 4, либо как следствие применения т.н. „царьградского летосчисления” по мартовскому году: с 1 марта 885 г. шел уже 6494-й год, а Мефодий умер 6 апреля 6494 г. по „царьградскому летосчислению”. Мы склоняемся ко второму объяснению. Если учесть, что Константин после 881 г. был оставлен Мефодием в Константинополе и некоторое время жил и работал там над переводами¹⁹, то тогда можно допустить, что он привык начинать новый год с 1 марта и позднее в ПСМ год смерти Мефодия привел по-царьградски.

Оба произведения, и „Служба Мефодию”, и ПСМ, очевидно приурочены к местной канонизации Мефодия, установившей ему день церковного празднования в соответствии с великоморавской традицией: 6 апреля. Эта же дата отмечается и в ранних памятниках, например, в месяцеслове глаголического Ассеманиева евангелия, X-XI вв.; к XIII в. она заменяется другой датой — 11 мая. В 7-й песне „Службы Мефодию” первой страной среди перечисленных названа Болгария под ее византийским именем — „Мизия”: „О ваоу сватаа хвалит са славно градъ Солоуцнскыи Күрле свате и Мефодие, Мисиа и Паноиа и Моравьскаа блажене земь”²⁰. В тексте ПСМ Мефодий также не раз назван святым, т.е. „прѣблаженным”, „преподобным”, архиепископом Паннонским и Моравским, „небесным человеком”, „земным ангелом”, „въ плъти бесплътноне житие сѣтажа възша”, а в конце автор ПСМ обращается к нему и его младшему брату как заступникам народа с мольбой „непрѣстанно за извъраноно стадо ваю подвижно помолита са, страсти шженоуца, вѣдъ и напаста избавлающа” (473). Прославление Мефодия как святого было возможно только в случае его местной канонизации, которая, вероятно, состоялась на Преславском соборе 893 г., когда царь Симеон объявил официальным языком славянский и запретил богослужение на греческом языке. Византия встретила это решение враждебно. Вновь заявила о себе т.н. „теория трех языков”, вновь стало оспариваться право славянских народов иметь свою письменность и литературу на родном языке. Враждебных нападков было так много, что болгарское государство и церковь начали с ними организованную борьбу. Появились специальные сочинения в защиту дела Кирилла и Мефодия. Именно тогда было написано ПСМ, и оно стало частью литературной триады — ЖМ, СМ, ПСМ — получившей широкое распространение сначала в Болгарии, а позднее в славяно-русской письменности XI-XIII вв. Потому мы считаем ПСМ памятником общеславянским, частью древней кирилло-мефодиевской традиции, близкой и дорогой всем славянским народам, вступившим на путь самостоятельного государственного и культурного развития.

О литературных достоинствах этого произведения писали В. Велчев⁴¹, Ф. Гривец²², К. Мечев²³, но без привлечения т.н. „литературной риторики”²⁴.

Между тем, ПСМ – типичный панегирик, энкомий, и как произведение древнеславянской ораторской прозы принадлежит к поджанру торжественного красноречия, к его разновидности – всенародным речам о заслуженных христианских героях. Как произведение художественной ораторской прозы оно должно изучаться по законам поэтики своего поджанра – *τὸν ἐπιδεικτικῶν*, эпидейктики, имевшего более чем тысячелетнюю историю в античной, эллинистической и византийской литературах.

С произведениями торжественного красноречия славянские народы познакомились во второй половине IX в., когда после принятия христианства им стала доступной сокровищница греко-византийской образованности и книжной культуры, уходящей своими глубокими корнями в античную эпоху. От возникновения первых ораторских произведений в Европе до первых оригинальных произведений древнеславянской эпидейктики – слов Константина Философа (60-ые годы IX в.) прошло около полутора тысяч лет. За это время жанр ораторской прозы прошел долгий и сложный путь развития. Нельзя игнорировать это развитие, так как древнеславянская ораторская проза была одним из последующих этапов в развитии европейской ораторской прозы. Она унаследовала от Византии и систему, и теорию, и практику этого жанра, глубоко и всесторонне разработанные на протяжении веков. Этому способствовало то обстоятельство, что античные традиции были живыми для Византии на всем протяжении ее истории. Гражданская общественно-политическая риторика дожила до начала VII в., а в школах Византии изучали Гомера, риторики Демосфена, Гермогена из Тарса, Афтония, Менандра, Херобоска и т.п. Солунские братья получили блестящее по тому времени классическое образование. Константин воспитывался в Магнаврском дворце, там же в конце IX в. учился и будущий болгарский царь Симеон. Последний по свидетельству Лиутпранда Кремонского изучал в Константинопольском университете риторику по Демосфену, а силлогизмы по Аристотелю. Учителем Константина был крупнейший оратор того времени, патриарх Фотий; последнего воспитал в духе уважения к античному красноречию Лев Математик, архиепископ фессалоникский, ставивший светское красноречие выше красноречия апостолов и находивший в Библии плеоназмы. Сам Константин-Кирилл Философ, по словам его Жития, „вз три месеце навъкъ граматикѣю и проуѣихъ геть се оуѣени. Наоуѣи же се Омироу, и гѣшмитри, и оу Лъва и оу Фотѣна диалѣзицѣ, и взсѣмъ философскимъ оуѣениемъ; къ симъ же и риторики, и аритмитикии, и астрономи, и моуѣики, и взсѣмъ проуѣимъ еллинскимъ хоудшъствомъ”²⁵.

Кирилл и Мефодий, а также их ближайшие ученики с величайшим пиететом относились к Каппадокийской школе красноречия, видным представителем которой был ученик вторых софистов, „христианский Демосфен” – Григорий (Назианзин) (326-389). Он многое сделал в перенесении опыта позднеантичной риторики на почву христианской догматики и полемики. В Константино-

поле и Каппадокии он прославился как блестящий оратор-проповедник, победитель еретиков — ариан, необыкновенный знаток богословия и этики. До наших дней сохранилось 45 его ораторских произведений, среди которых 5 слов о богословии, апологетические, догматические, нравственно-учительные проповеди, а также панегирики о братьях Макавеех, о Киприане Карфагенском, Афанасии Александрийском, Максиме Философе, надгробные речи о его отце епископе Григории, брате Кесарии, сестре Горгонии, о его друге Василии Великом²⁶. По словам советского исследователя Г. Л. Курбатова, „для Григория Назианзина риторика была средством не столько влиять на других, сколько выразить самого себя, свои мысли и чувства. Его проповеди достигали большого эмоционального эффекта; глубоко личное чувство, искренность сочетались у него с возвышенно-риторическим духом общих размышлений. Несмотря на многословие, чувствительность и воображение делали его панегирики, монодии, надгробные речи поистине трогательными. Такова, например, его „Надгробная речь Василию Великому“, согретая лиризмом индивидуального чувства. Он обогатил жанр панегириков разных видов, насытив их христианскими идеями, модифицировал план и характер надгробной речи, сочетая ее с „христианским утешением“, превратил надгробную речь в панегирик христианской жизни... Лиризм и интимность чувства, поэтизация страдания и внутреннего переживания, эмоциональный дух возвышенного — именно это Григорий Цамблак внес в ранневизантийскую риторику”²⁷.

Константин-Кирилл Философ еще в юности пристрастился к чтению сочинений Григория Назианзина и, подражая ему, сочинил одно гимнографическое произведение²⁸. Ф. Гнидович убедительно доказал, что ученики первоучителей, авторы паннонских житий, использовали в качестве образца Энкомий Григория Назианзина Афанасию Александрийскому, что сказалось на композиции и стиле славянских произведений²⁹.

Автор ПСМ придерживался той же традиции, он хорошо знал панегирики Григория Назианзина. „Надгробное похвальное слово Василию Великому” служило ему прекрасным образцом. Оно давало великолепную ораторскую характеристику чествуемого лица. С одной стороны, это было восхваление достойнейшего человека, а с другой — нравоучительный урок для слушателей, извлеченный из жизнеописания святого. Отдельные эпизоды и сцены из жизни Василия Кесарийского — о его родителях, о воспитании и образовании, о монашеских подвигах, о епископском служении и проповеднической деятельности — использовались не только как энкомиастические темы — топоры — развития надгробной речи, но и как примеры, иллюстрирующие ту или иную добродетель. Ее восприятию способствовал ясный композиционный план: введение — постановка темы, главная часть — художественно-патетическое описание жизни героя, затем изображение великой скорби паствы в Кесарии по поводу кончины пастыря, наконец, в заключении следовало обращение к новоявленному святому о заступничестве³⁰. Слово наполнено интимными переживаниями.

ми автора, близкого друга хвалимого лица, который не верит, что Василия больше нет на свете, и обращается к нему с прочувствованной речью как к живому (фигура речи „апостроф”); парабола, перифраз, сравнение, гипербола являются ведущими художественными приемами повествования согласно принципам византийской поэтики³¹. Указанные черты панегирика мы находим и в ПСМ. Автор ПСМ творил в то время, когда в славянском обществе, по словам Квинтилиана, *regina regum oratio est*, когда искусство произносить медоточивые речи ценилось столь же высоко, как и умение полководца на поле сражения. Три цели античного оратора – убедить (*docere*), усладить (*delectare*), взволновать (*movere*) были действительными и для автора ПСМ, чей *выбор темы* (*inventio* – первая часть риторики) для ораторского слова о своем учителе Мефодии был предельно ясен: прославить, чтобы возвысить. Библейские цитаты обычно подбирались для постановки и обоснования темы проповеди, и в данном случае была взята цитата из Евангелия от Матфея (XI, 15), служащая тематическим ключом для понимания главной идеи произведения: избранности первоучителей славянства как новых славянских апостолов: „Слѣпци прозрѣть, глухоси оуслышати слово книжное и вси възглаголють различны языки величїа божиа” (468). Автор последователен в описании во введении иерархической лестницы нисхождения благодати от Христа к пророкам и апостолам, потом к мученикам, и наконец к праведным мужам и учителям, считая в числе последних Кирилла и Мефодия.

Приемы композиции (*dispositio* – второй отдел риторики) в ПСМ во многом зависят от выбора и трактовки темы, которая, как и в панегириках Григория Назианзина, развивается в двух планах: деяния и добродетели. Мефодий и его деяния выступают здесь на первый план, а о его младшем брате Константине говорится мало, хотя обычно в кирилло-мефодиевской литературе Константин-Кирилл – первое лицо. Композиционно ПСМ состоит не из трех частей, как панегирики Григория Назианзина, а из пяти частей. После 1) Введения (*Exordium*) следует 2) большое Повествование (*Narratio I*), начинающееся словами „Въ же въ Селоуныстѣмъ градѣ...” и состоящее из трех небольших частей, в которых последовательно рассказывается вначале кратко об отце солунских братьев Льве, потом о Константине и пространно о Мефодии. Далее следует 3) краткая Похвала (*Laudatio I*), начинающаяся словами „Сїна же сватага и прѣславнага отца и оучителя...”, потом идет 4) новое Повествование (*Narratio II*), начинающееся словами „Въ срацинѣхъ и козарѣхъ ходаша...” Последнее состоит из трех малых частей: в первой говорится о совместных действиях братьев до кончины Константина, во второй о смерти Константина в Риме, в третьей – о деятельности Мефодия до его кончины. Завершается ПСМ 5) новой Похвалой (*Laudatio II*) обоим братьям, которая носит гимнографический характер и начинается словами „Тѣмъ же кыа оубо хвалы въздамы вама...” Этот раздел *dispositio*

tio у Григория Назианзина обычно отсутствует, соединение риторического произведения с гимнографическим стало уделом более позднего времени, когда в послеиконоборческое время в Византии появились панегирики нового типа. Заключение (Peroratio) в ПСМ отсутствует, его заменяет молитвенное обращение к солунским братьям в конце Laudatio II. Итак, основную фабульную нагрузку в произведении несут многочисленные и многоступенчатые повествования, содержащие отдельные эпизоды из жизни славянских первоучителей и претендующие на связный рассказ по ЖК и ЖМ, но перебивающиеся велеречивыми риторическими отступлениями и похвалами.

Применение стилистических средств (elocutio – третий раздел риторики) зависит в ПСМ от темы, идейно-стилистической задачи и ее оформления (т.е. композиции) в произведении. Периодичность речи носит в основном короткий риторический характер, за исключением Narratio I und II, где господствует „исторический период”, как и в ЖК и ЖМ; в конце произведения риторический период становится длинным, как это и подобает в гимнографическом произведении. Можно даже говорить о наличии риторической декламации в Laudatio II.

Дань библеизму, обязательная в риторических произведениях Средневековья, сказывается на частом применении библейских цитат в ПСМ. Последние служат своеобразным каркасом, скрепляющим словесную ткань похвалы в единое целое. Внешний символизм и внутренний драматизм повествования характерны для ПСМ, что обеспечивается высокой метафоричностью речи и густым применением тропов и фигур, динамическим развитием фабулы, проявляющимся в развертывании и сменах отдельных эпизодов из биографии Мефодия. Много внимания автор ПСМ, как и Григорий Назианзин, уделяет сравнениям (comparatio), метафорам (metaphora) и уподоблениям (parabola), переходящим в гиперболические. Про Мефодия, например, автор замечает, что „въ бесѣдахъ бо тако Соломонъ навлааше сѧ, дивьныѧ притъча и наказаниѧ, и възпрашаниѧ износѧ изъ срьдъчнаго села и на слоужьбѣ въсѣмъ оугодьнъ, тако и крилатъ оврѣташе сѧ, и на воинѣ тако и Самъсонъ, и Гедвонъ, и Ісоусъ Навьгинъ страшнъ навлаше сѧ” (469). Монашеский подвиг Мефодия он уподобляет „великомуѡу ѡрсению и Антонию, и Савѣ, въсѣхъ житиѧ собою съвършана” (469). В Laudatio I обнаруживается гиперболическая напряженность сравнений и уподоблений, когда деяния солунских братьев уподобляются деяниям патриарха Авраама, пророка Моисея и Аарона. Автор ПСМ время от времени прибегает к сложным фигурам и тропам художественной речи. Трактую Моисеев исход из Египта по книге Бытия как притчу (parabola), автор ПСМ строит на ней гиперболическое изображение Кирилла и Мефодия, применяя антитезу и метафору весьма широко: „И сѧ же прѣблагенѧ и богоугодьнѧ чловѣка ничимъже мьньша тою навѧста сѧ, тогоже божнѧ доухѧ напоена съвыше, согоубѣ

благодати съподобльша са, люди изведоста из мѣногамрачьнаго дивавольскаго мора, мыслнаго фараона погружьша и въсю силу ѹго потрѣбиста, и вѣрою взоружьша са и силою кръстною, не въ поустыню же на изведоста, нѣ на свѣтъ богоразоумьныи настависта, не ис камене водоу изведъша, нѣ вѣрою словесе божиа жадьныа напоиста" (470) и т. д. Автор ПСМ утверждает самобытный, оригинальный характер создания славянской азбуки первоучителями средствами риторики: „По тѣмъ же стопамъ и си ходаща и тогоже доуѣа напоена ш̄ бога, томоу же словеси вьста проповѣдника и новаа апостола, не на тоужемь основании своѣ дѣло полагающа, нѣ изнови писмена възображьша и съврѣшиста въ языкъ новъ" (471).

Продолжением риторической амплификации являются заключительные уподобления Кирилла и Мефодия в Laudatio II утренней звезде, воспривявшей свет от солнца и явившейся всех светлее, а также уподобление их наемным рабочим в винограднике, испытанным „таготоу дне и варъ, съ пришьдшимъ в II час равньемъ съподоблени вьша мьздѣ... въ послѣднии вѣкъ томоу же дѣлоу навити сина новаа проповѣдника и свѣтильника вьсега вьселенѣи, наже подвигомъ добрымъ и вѣрою крѣпко прѣпоасавъша чрѣсла своа, проидоста како слънце тьмнаа мѣста стопами своими просвѣщающа доуша своѣа, ни пощаща телесе своѣго, нѣ вьсѣгда готова сѣщи за правоу вѣроу сластьно испити Христовоу чашѣ" (471).

Художественным доказательством, мотивацией (Argumentatio) служит перечисление деяний первоучителей в Narratio II „въ срацинѣхъ же и козарѣхъ", „на западныа страны" против „трыязычъниковъ", где Кирилл и Мефодий „како слънци вьсинавъша, мрака грѣховьна шгънавъша, просвѣтиста боукъвами и наоучьша оученикы цркъвьномоу чиноу испълнь" (471-472). Новым художественным обоснованием похвалы служит рассказ о дальнейшей деятельности Мефодия как архиепископа, на столе легендарного Андроника, в Паннонии, подкрепленной папской епистолией. Продолжением риторической амплификации является заключительная часть Narratio II, где говорится о приходе Мефодия в Моравию и его просветительской деятельности там. Здесь гиперболическая напряженность достигает высшей точки, когда автор, пользуясь сравнениями и метафорами, рассказывает о результатах деятельности Мефодия среди его паствы как новоявленного пророка и апостола: „Дошъдъшю же емѣ въ страны Моравьскы, вьси людинѣ съ радостноу изидоша въ сзрѣтение ѹмоу, и тако принаша и како ангела божиа. И шврѣзоша са оуеса слѣпыимъ и оушеса глоухыхъ, и языци възлсноушен възглаголаша мира. И имиже оусты вѣша пьрвѣне жьртвы неприназныны въздавали на кладъзихъ и на вьсѣхъ мѣстѣхъ

хъловали бога, тѣмъ же дѣти ихъ словесьнына и бескъвѣрнына слоужьбы богу въздають за весь миръ. И въ всакомь мѣстѣ има божиге прославляеть са въ языкъ новъ, гемоуже навн са проповѣдьникъ и апостолъ новъ, възсигавъ, како слънце, мъглоу невѣденина шгона и вогоразъмьнымъ свѣтъмъ въсѣмъ сръдца просвѣти, кротостию же и сластию вса къ себѣ любзвину привлача, теуениге своге сзконьца, вѣроу сзблюдѣ, цркви пѣсньми оукраси и пѣнии доуховьными” (472).

Заключительный лирический аккорд похвалы звучит в повествовании об успении Мефодия, где новоявленный апостол славянства приравнивается к патриархам Аврааму, Исааку и Иакову, „швѣмъ равнъз бывъ, швѣхъ мьнии, а дрогыихъ прѣспѣвъ силою и дѣтелию, и подвигомъ възсигавъ, како слънце лоуцями притъуьнами и казаниемъ, негоже помышляющи медотоуьнага словеса, нѣсть чѣмъ сласти него доуховьнына приложити” (472-473). Laudatio II, содержащее перечисление превосходных качеств Кирилла и Мефодия и похвалу им как апостолам славянства, написано в духе византийских гимнографических сочинений и построено на фигуре эпитет (epitheton) в сочетании с риторическими вопросами, сравнениями, метафорами. „Къто оубо възможеть достоиноу похвалоу ваю исповѣдати?” — вопрошает автор, и сам себе отвечает: „Подъневьсьноую всю прошьдъша стопами своими, весь миръ осватиста. Благословенъ языкъ ваю, имже насѣнаста доуховьнага словеса въ спасениге... вѣчислноу языкѣ вогодъновеный даръ ш бога примъша, мранъ невѣдѣнина вьстодоу прогънаста, собою шбразъ въсѣмъ прѣдзлагающа, ш оустноу доуховьноу сладоу истачающа, поганьствоу же всакомуоу раздроушьника нависта са” (473).

Гимн-похвала достойно венчает историческую панораму жизни и деятельности Мефодия. Перед нами сложное и высокохудожественное произведение торжественного красноречия древних славян, соединившее в себе риторическое, эпическое и лирическое начала. Написанное в духе второго византийского панегирика, где энкомий сочетался с гимном, ПСМ является новаторским произведением, творчески воспринявшим лучшие черты риторического, агиографического и гимнографического жанров христианской литературы того времени. В этом проявился международный характер произведения древнеславянского ораторского искусства, призванного прославить выдающихся деятелей славянской культуры Кирилла и Мефодия.

Составив новую славянскую азбуку, научив книжной грамоте славянские народы, переведя на славянскій язык многие книги, Кирилл и Мефодий воплотили в жизнь свой великий замысел, который оказал столь большое влияние на исторические судьбы славянских народов. Выдающийся вклад апостола

славянства Мефодия в дело создания и распространения славянской письменности никогда не может быть забыт, как не может быть забыт успех новой народной культуры на заре Средних веков, призванной стать рядом с культурами византийской и римской.

Примечания

- 1 УНДОЛЬСКИЙ, В.М.: Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И.Н. Царского. Чтения в Импер. Обществѣ истории и древностей российских при Московском университѣтѣ. Москва 1848, 7.
- 2 БОДЯНСКИЙ, О.М.: Кирилл и Мефодий. Собрание памятников, до деятельности св. первоучителей и просветителей славянских племен относящихся. Похвальное слово Кириллу и Мефодию. Списки 1-15. Чтения в Импер. Обществѣ истории и древностей российских при Московском университѣтѣ. Москва 1865, 3, с. 1-64; 1866, 2, с. 65-152.
- 3 ЛАВРОВ, П.А.: Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Ленинград 1930, с. 79-93.
- 4 ПОПРУЖЕНКО, М.Г. – РОМАНСКИ, Ст.: Библиографски преглед на славянски кирилски източници за живота на Кирила и Методия. София 1935, с. 37-40. См. также из последних изд.: Успенский сборник XII-XIII вв. Москва 1971, с. 198-200.
- 5 АНГЕЛОВ, Б.Ст.: Славянски извори за Кирил и Методий. Известия на Софийската Народна библиотека за 1956 г. София 1958, с. 193-195; КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ: Събрани съчинения. 1. Обработили Б. Ст. Ангелов, К. М. Куев, Х. Кодов. София 1970, с. 443-454, 475-478. М. Матеич недавно нашел 28-й, Хиландарский список ПСМ, см.: МАТЕИЧ, М.: Хиландарски препис на „Слово за Сретение” от Йоан Екзарх. Старобългарска литература. 9. София 1981, е. 82.
- 6 КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ: *op. cit.*, с. 468-475, 485-491.
- 7 PERWOLF, J.: *Prameny dějin českých. 1. Životy svatých. 1. In: Fontes rerum bohemicarum. 1. Vitae sanctorum. 1. Praha 1873, s. 58-68; VAŠICA, J.: Literární památky epochy velkomoravské. 863-885. Praha 1966; STANISLAV, J.: Životy slovanských apoštolov Cyrila a Metoda v legendach a listoch. Turč. sv. Martin 1950; RATKOŠ, P.: Pramene k dejinam Veľkej Moravy. Praha 1964; GRIVEC, F.: Sermo panegyricus in memoriam ss. Cyrilli et Methodii. Acta Academiae Velehradensis. 18. 1947, s. 1-25; Похвално слово за Кирил и Методий. Стара българска литература в 7 тома. 2. Ораторска проза. Съст. и ред. Л. Грашева. София 1982, с. 84-92.*
- 8 ГОШЕВ, И.: Светите братя Кирил и Методий. Годишник на Софийския унив. Богословский фак. 15. 1937-1938, св. 3, с. 79-95; Рилски глаголически листове. София 1956, с. 87 и сл.; GRIVEC, F.: Konstantin und Method – Lehrer der Slaven. Wiesbaden

1960. S. 212-213; БОГДАНОВ, И.: Тринадесет века българска литература. 1. Стара българска литература. Литература на Възраждането. 681-1878. София 1983, с. 76; см. также: *Magnae Moraviae Fontes Historici. 2. Textus biographici, hagiographici, liturgici.* Brno 1967, s. 167.
- 9 В.М. Ундольский, П. Й. Шафарик, О. М. Бодянский, Филарет Гумилевский, Леонид Кавелин, М. Дринов, С. Палаузов, В. Вондрак, П. А. Лавров, А. Теодоров-Балан, В. Велчев, П. Динев, Б. Ст. Ангелов, К. Мечев и др.
- 10 SAKAČ, S.: Die kürzere slavische Fassung des Briefes „Gloria in excelsis Deo“ Hadrians II. In: *Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven. 863-1963.* Köln-Graz 1964. S. 411-431; VLASTO, A. P.: The Entry of the Slavs into Christendom. An Introduction to the Medieval History of the Slavs. Cambridge 1970, p. 31.
- 11 ВИКТОРОВ, А. Е.: Последнее мнение П. Шафарика о глаголицѣ. Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовым. 2. Москва 1859, с. 132-140.
- 12 ВОРОНОВ, А. Д.: Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. Киев 1877, с. 185-186.
- 13 ОГІЕНКО, І.: Костянтин і Мефодій, їх життя та діяльність. 2. Варшава 1928, с. 286-289.
- 14 ГЕОРГИЕВ, Е.: Разцветът на българската литература в IX-X в. София 1963, с. 143.
- 15 Сказания о начале славянской письменности. Отв. ред. В. Д. Королюк. Вступ. статья, пер. и ком. Б. Н. Флори. Москва 1981, с. 50.
- 16 Здесь и далее мы цитируем ПСМ по следующему изданию: КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ: *op. cit.* (см. примеч. 5), с. 468-475. Указания на номера страниц даны в тексте статьи.
- 17 В Драгановской минее XIII в. в каноне Мефодию имеется акростих с именем Константина. См.: KOSTIĆ, D.: Bugarski episkop Konstantin, pisac Službe sv. Metodiju. *Byzantinoslavica.* 7. 1937-1938, s. 189-211; PAVIĆ, J.: Staroslovenski pjesnički kanon u čast sv. Metodiju i njegov autor. *Vogoslovna smotra.* 24. Zagreb 1936, s. 59-86. Изд. текста Службы см.: ТЕОДОРОВ-БАЛАН, А.: Кирил и Методий. 2. София 1984, с. 60-73; ЛАВРОВ: *op.cit.* с. 122-127.
- 18 ПОПТОДОРОВ, Т.: Епископ Константин Преславски като проповедник. Годишник на Софийския унив. Богословски фак. 25. 1949, с. 1-26.
- 19 „Авиге же шздъшо гемоу тамо, пригatz њ сз устью цесарь, великою и радостью, и оучение его похваля, оударьжа ш оученикз него попа и дьакона сз книгами” (ЖМ, XIII. В кн. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ: Събрани съчинения. 3. Пространни Жития на Кирил и Методий. Подг. за печат Б. Ст. Ангелов и Х. Кодов. София 1973, с. 191; ср. комментарий на с. 210).
- 20 ТЕОДОРОВ-БАЛАН, А.: Кирил и Методий. 2. 1934, с. 69.
- 21 ВЕЛЧЕВ, В.: Константин-Кирил и Методий в старобългарската книжнина. София 1939, с. 110-116.
- 22 GRIVEC, F.: Pochvala sv. Cyrila a Metoděja. *Apoštolát sv. Cyrila a Metoděja.* 33. 1946, s. 255-258; IDEM: Pochvala sv. Cirilu in Metodiju. In: *Razprave Slovenske Akademije znanosti in umetnosti. Filozofski-filološki-historijski fak.* 1. Ljubljana 1950, s. 27-58.
- 23 МЕЧЕВ, К.: Климент Охридски и Общото похвално слово за Кирил и Методий. В кн.: Климент Охридски. Сборник от статии по случай 1050 години от смъртта му. София 1966, с. 279-290; ТОГО ЖЕ: Към литературната характеристика на Общото похвално слово за Кирил и Методий. В кн.: Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му. 1969, с. 95-104.
- 24 LAUSBERG, H.: *Handbuch der literarischen Rhetorik.* 1-2. München 1960.
- 25 ЖК, IV. В кн. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ: *op. cit.*, с. 91. Ср.: ТРИФУНОВИЧЪ, Т.: Констан-

- тинова <Тирилова> књижевна дела у светлости неких Фотијивих књижевно-естетичких погледа. В кн.: Симпозиум 1100- годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје 1970, с. 249-260.
- 26 Изд. ораторских соч. Григория Назианзина см.: PG. Т. 35-36. Перевод на русск. яз. см.: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа константинопольскаго. 1-6. Изд. 3-е. Москва 1899.
- 27 КУРБАТОВ, Г. Л.: Риторика. В кн.: Культура Византии. IV – первая половина VII в. Отв. ред. З. В. Удальцова. Москва 1984, с. 347-348.
- 28 ЖК. В кн.: КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ: op. cit. 3, с. 90-91, комментарий с. 143. Ср.: VAVŘINEK, V.: Staroslověnské životy Konstantina a Metoděje a panegyriky Řehoře z Nazianzu. Listy filologické. 85. 1962, 1, s. 96-162; ЯКОВСОН, Р.: Похвала Константина Философа Григорию Богослову. Slavia. 39. 1970, 3, s. 334-361.
- 29 GNIDOVEC, F.: Vpliv Gregorija Nazianskega na sv. Cirila in Metodija ter na njuni Žitji. Ljubljana 1942.
- 30 Подробнее см.: BOULENGER, E.: Grégoire de Nazianze. Discours funèbres en l'honneur de son frère Césaire et de Basile de Césarée. Textes et documents pour l'étude historique du christianisme. Paris 1908.
- 31 АВЕРИНЦЕВ, С. С.: Поэтика византийской литературы. Москва 1977.